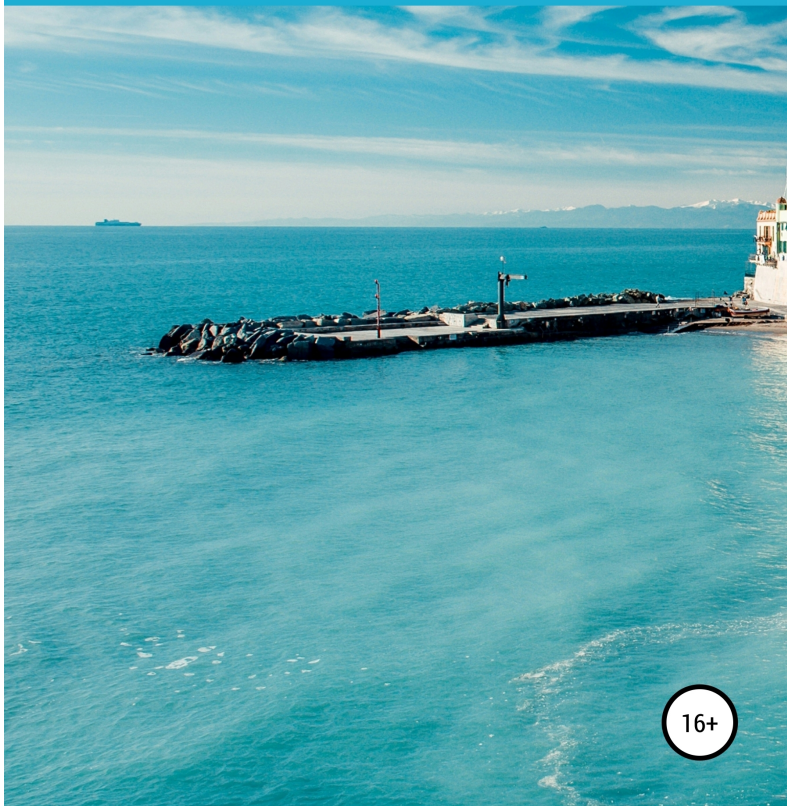

Сергей Афанасьев

Детская встреча с мечтой.

Детские мечты все-таки сбываются.

16+

Сергей Афанасьев

Детская встреча с мечтой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56352835

SelfPub; 2020

Аннотация

Двенадцатилетний мальчик из Новосибирска впервые приезжает в Крым, в город Судак. И впервые в своей жизни сталкивается с тем, о чем он не мог и мечтать – с огромнейшим морем, с крабами и дельфинами, со стариной крепостью, с пещерами в горах, а также – с реальными космонавтами, которые в это время там отдыхали.

Содержание

1. Отлет	4
2. Прилет	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

1. Отлет

Третьего августа Сережа, двенадцати лет от роду, окончивший пятый класс и собирающийся переходить в шестой, весь день дико волновался. А то! Завтра рано утром ему предстояло, во-первых, лететь на самолете – а он еще никогда не летал! А во-вторых, лететь в жаркий Крым. А он никогда еще не был в жарких краях и никогда не видел моря. Так чтобы водная гладь уходила далеко-далеко за горизонт и не было видно берега! Ведь у них в Новосибирске нет моря. Есть, конечно, Обское. Но у него только в одном месте не видно противоположного берега – там где ширина водохранилища составляет более двадцати километров. Ну и опять же, в морях водятся дельфины. И дельфинов и море он видел только по телевизору в американском сериале Флиппер. Поэтому и волновался. Впрочем, также волновалась и его мама. Вечером она сходила к соседям и на их адрес заказала такси – телефона у нее в квартире не было, а когда такси подъезжало, диспетчер сообщал о прибытии на телефон заказчика. Заказала на четыре часа утра.

Четвертого августа, в три часа утра, в полной темноте мама разбудила Сережу. Второпях они перекусили печеньем, на которое мазали сливочное масло и которое запивали чаем.

Потом, перетаскив все сумки и чемодан поближе к двери и

полностью одевшись, они томительно ожидали прихода такси, то и дело выглядывая в окошко. Было сумеречно и прохладно. В домах напротив свет горел только в двух окнах – все еще спали. Пусто было на улице Объединения.

Сердечко Сережи учащенно билось в нетерпеливом ожидании. Но вот подъехало такси – они загодя увидели свет одиноких фар и проследили, что эти фары свернули именно к ним во двор, быстро принялись обуваться и тут им в дверь постучали соседи, которым диспетчер позвонил о прибытии. Поблагодарив соседей Сережа с мамой, суется и беспорядочно толкаясь, подхватили две сумки и чемодан и торопливо побежали по ступенькам вниз на улицу, словно боялись, что такси подождет-подождет, да и уедет.

Заполошные, они выскочили из подъезда. Такси – светло-зеленая волга – стояло прямо напротив подъезда. Увидев пассажиров, основательно упитанный таксист вальяжно вышел из машины, по-барски обошел ее, неспешно открыл багажник и также неспешно отступил в сторонку – мол, вещи грузите сами. Почему-то все еще суется, мама с сыном быстро, бестолково и как попало зачихали свои вещи в багажник. Сели на заднее сиденье. Вздохнули. Сережа, садясь последним, хлопнул дверцей такси и получил замечание от водителя – сильно очень. А он ведь еще никогда в жизни не садился в легковые автомобили, не закрывал их дверцы, и не знал как вообще это делается!

Наконец волга тронулась с места, проехала вдоль всего

тридцать первого дома, выехала на улицу Объединения и набрала скорость на абсолютно пустой дороге. Сережа с мамой замерли на своих местах – ну наконец-то!

Все также молча и почему-то не шевелясь они ехали в Толмачево по пустым и только-только начинающим пробуждаться от темноты улицам Новосибирска. Светофоры либо еще не работали, либо мигали желтым.

Поездка далась им очень нервно. Они все извелись, панически боясь опоздать.

Но вот, наконец, в темном мареве пустырей показалось ярко освещенное здание – аэропорт. Мама поспешно расплатилась – согласно счетчику, скрупулезно отсчитав мелочь вплоть до копейки – денег на работе она получала мало и на эту поездку копила не один год. А папы у них не было. Они достали вещи из багажника. Волнуясь, направились в здание. Аэропорт был весь в ярких огнях, в мощном гуле самолетных двигателей, в посадочно-встречающей суете. То и дело диктор приятным, но строгим женским голосом объявлял, что приземлился рейс такой-то, оттуда-то, либо сообщал, что начинается регистрация на рейс такой-то, туда-то. И каждый раз, как только женщина начинала говорить, огромный зал аэропорта, густо наполненный людьми и вещами, сначала замирал, а к концу речи диктора вдруг какая-то его часть начинала резко суетиться – вскакивать с кресел или с чемоданов, хвататься за вещи, суетясь переставлять их, проверять наличие билетов и паспортов, а потом, подхватив

все свои узлы, тюки и баулы, поспешно устремляться куда-то в волнующую неизвестность.

Осмотрев огромный зал, сплошь заставленный длинными рядами одинаковых пластмассовых кресел и не найдя свободного места, мама Сережи подошла к колонне и составила вещи здесь. Сережа тут же сел на свой чемодан. Сердце его учащенно билось. Ну наконец-то! Наконец-то он что-то по-видает! Увидит теплые края, жаркий климат, огромное море, соленую воду, гигантские морские корабли – в Оби ведь всего этого не увидишь!

Блин! Как нестерпимо сильно хотелось ему все это увидеть! Как рвались его думы туда, к самолету! Испытать полет! Смотреть на землю с огромной высоты! Как все это было страшно заманчиво! И он мелко подрагивал, то ли от утренней сибирской прохлады, то ли от сильного возбуждения.

– Граждане пассажиры, начинается регистрация на рейс 4724, вылетающий до Симферополя, – вдруг буднично произнесла диктор.

И Сережа тут же радостно подскочил. С сумок поднялась и его мама.

– Регистрация производится в секции номер два, – закончила диктор и отключилась.

Мама Сережи растерянно посмотрела по сторонам, стараясь сообразить, что же это такое – сектор, и где этот сектор находится, ведь она в аэропорту была также как и ее сын – в первый раз!

Вместе с ними поднялось довольно много народу и все эти люди дружно потянулись в одну сторону. И мама, подхватив тяжелый чемодан и сумку решительно направилась следом за ними. Сережа, схватив вторую сумку, энергично поспешил за ней – так ему не терпелось наконец-то попасть в эту волшебную машину, в которой он никогда-никогда еще не был – в самолет! И очень хотелось лететь над землей и смотреть на нее сверху. Ведь он никогда еще не видел сверху землю – только с балкона пятого этажа!

Суетясь и толкаясь они встали в длиннющую очередь. То и дело пропихивая ногами по полу свои вещи народ медленно продвигался вперед. В основном все сонно молчали – все-таки раннее утро! Только кое-где слышались тихие разговоры.

И чем ближе они подходили к стойке регистрации, тем Сережа волновался все больше и больше. Эта стойка представлялась ему некоей границей, отделяющей серую будничность от волшебного мира. От полетов в облаках, от песчаных побережий, сплошь усеянных ракушками, от лазурного бесконечного моря, от дельфинов, крабов и от других неведомых обитателей. Например, акул. Сережа даже встрепенулся. А интересно, есть ли в Черном море акулы? Ведь должны же быть – море все-таки! И он невольно поежился. Впрочем, как на самом деле выглядит море, и что там плавает под водой он представлял себе довольно смутно, и поэтому лететь ему хотелось еще сильнее.

Но вот подошла их очередь. Его мама, волнуясь не меньше чем он – ведь для нее все это тоже было впервые – и самолет, и море впереди! – она, суетясь и волнуясь, кое-как достала билеты, паспорт и свидетельство о рождении сына. Выложила все это на стойку.

Девушка в белой блузке и строгой синей униформе внимательно посмотрела на билет.

– Так ведь вы летите только завтра! – удивилась она.

– Как так?! – искренне растерялась его мама, а у Сережи в душе вдруг все провалилось в какую-то черную дыру, в которой исчезли и радость полета на самолете, и жгучий интерес к тому, как на самом деле выглядят жаркие страны, и гигантская гладь моря.

– Вот же у вас дата! – недовольно ткнула пальцем заспанная девушка. – Время же московское на билетах! Внимательней надо смотреть! – выговорила она.

Мама ничего на это не отвечала, растерянная и разбитая. Пристыженная, с поникшей головой, ощущая на себе многочисленные насмешливые взгляды тех счастливиц, которые вскоре сядут в самолет, она, впрочем, гордо вскинув голову, решительно отошла от стойки, и молча направилась наружу. Сережа, подавленный и растерянный – за ней.

– Такси в город? – тут же, как только они вышли из здания, подскочил к ним какой-то кавказец.

Мама только подавленно кивнула, даже не спросив про цену.

Погрузились. В полном молчании доехали до дома. Расплатились – уже конечно не по счетчику и гораздо дороже – раз в десять больше, чем когда ехали туда. Молча вышли из машины. Молча поднялись по ступенькам. Молча вошли в квартиру. Бросили в коридоре сумки и чемодан. Разделись и молча легли спать. На душе у обоих было паршиво – хоть плачь!

Проснулись они около часу дня. Все еще подавленные и растерянные. Молча позавтракали, оба в сильном ожидании завтрашнего дня. Потом – пообедали. Потом мама снова сходила к соседям и снова заказала такси на четыре утра, сказав им, что они заранее выйдут на улицу, пусть, мол, не беспокоятся. Весь этот день прошел скучно и неинтересно, в полном ожидании – скорее бы он наконец-то закончился!

Вечером мама все также молча завела будильник. Легли. Долго не могли уснуть ворочаясь, и переживая несостоявшееся путешествие. Заснули только под утро, и тут же подскокили от резкого звонка механического будильника.

На этот раз они и позавтракали и собрались без всякой суеты, тем более, что чемодан и две сумки были уже собраны.

Заранее вышли во двор, ежась в сибирской утреней прохладе, пристально вглядываясь туда, откуда должно было появиться такси, и каждый раз вздрагивая и волнуясь, когда в той стороне, в сумерках города вдруг мелькали фары одинокого автомобиля.

Но вот, наконец, мелькнувшие фары направились в их

сторону. К поезду подъехала светло-зеленая Волга с шашечками, Остановилась прямо возле них. И мама подхватив тяжеленный чемодан и сумку, тут же направилась к багажнику. И здесь замерла в ожидании. Сонный шофер, кое-как выбравшись из кабины, зевая и потягиваясь, подошел к ней.

– Доброе утро, – вежливо и как-то даже подобострастно поздоровалась мама, но водитель не обратил на это никакого внимания.

Помахивая брелком с ключами, он выбрал нужный, еще более неспешно вставил в замок багажника, открыл крышку и лениво отошел в сторонку, откровенно зевая во весь рот. Как известно, таксисты зарабатывали довольно большие деньги, самих такси было мало и поэтому сесть в такси было не так уж и просто. По-крайней мере не все заказы принимались.

Мама Сережи, снова суетясь и волнуясь, кое-как засунула в багажник волги свои вещи. Сережа все это время стоял рядом в ожидании – вдруг понадобится какая-нибудь помощь? Его снова била мелкая дрожь.

Вот наконец последняя сумка была уложена и мама направилась к задней дверце машины. Шофер неторопливо захлопнул крышку багажника, слегка придавив ее сверху. Мама открыла заднюю дверцу. Поспешно, словно боялась, что такси уйдет без них, села и передвинулась дальше, уступая место своему сыну. Сережа сел рядом и очень-очень аккуратно, двумя руками, прикрыл дверцу машины, с силой на-

давив ее на себя – до щелчка. Такси тронулось. Снова они ехали по ночному Новосибирску. Кое-где горели фонари, кое-где светофоры мигали желтым, хотя основная часть была еще выключена. Улицы и тротуары были пусты от машин и пешеходов.

Сережа тупо смотрел в окно на проплывающий сонный город и не узнавал его. Впрочем, его это и не волновало. Он с удивлением осознал, что сейчас он уже ничего не хочет! А хочет, чтобы поскорее закончилось вся эта кутерьма с затянувшимся отъездом! Только и всего!

Снова аэропорт – снова весь в огнях, суете и реве самолетных двигателей. Снова – голоса дикторов, объявляющих посадку или регистрацию. Снова – суетливая очередь с обилием сумок и чемоданов. И снова – регистрация. На этот раз (а Сережа вдруг почему-то принялся сомневаться) все прошло благополучно. Мама подала документы (свой паспорт и свидетельство о рождении сына), погрузила сумки на эскалатор. Девушка наклеила на ручки багажа бумажные полоски. Эскалатор задрожал, завибрировал и сумки с чемоданом медленно поплыли к стене и скрылись за резиновой шторкой. Девушка молча проштамповала билеты, оторвала от них что-то и подала маме вместе с документами.

Сережа с мамой отошли в сторонку, не зная, что делать дальше. Сережа полностью полагался на взрослых – на свою маму. А она сама была в полной растерянности – и куда теперь идти? А вдруг самолет улетит без них?

Волнуясь, она вернулась к очереди, обратилась к женщине, которая ей понравилась больше всех – в том смысле, что она выглядит вполне доброжелательно и наверняка ответит на ее вопросы, поговорила с ней и, удовлетворенная, вернулась к сыну.

– Должны объявить посадку, – сказала мама. – Будем ждать.

Так как громоздких и тяжелых вещей больше с ними не было и, соответственно, сидеть стало уже не на чем, они более внимательно поискали свободные места среди многочисленных лавочек – так чтобы были два рядом. И, наконец, к своему удовлетворению, нашли такое место. Протиснулись вдоль длинного ряда, перешагивая через разложенные на полу вещи и протянутые ноги. Сели. Слева от них какой-то кавказец, разложив свои вещи на трех сиденьях, лег на них сверху, спал. Справа, разложив на краю лавочки предметы гигиены – платки, марлю для подгузников, пеленки и прочее, какое-то семейство возилось со своими детьми. Грудничок вредно хныкал, явно раздраженный всем этим путешествием, а две девочки лет трех-четырёх с усталыми сонными глазами сидели на сумках возле занятых лавочек.

Наконец объявили посадку. Снова суетясь и волнуясь Сережа с мамой побежали в указанный сектор и заняли длинную очередь, которая упиралась в закрытую дверь. Долго-долго стояли. Потом, наконец, дверь открылась и всех стали впускать внутрь, проверяя корешки билетов. Наконец и

Сереза с мамой прошли сквозь этот кордон и вопреки их ожиданиям, не отправились к долгожданному самолету, а застряли в просторной комнате, в которой к тому же было мало сидений. Они прислонились к стене и долго-долго ждали чего-то. А помещение все наполнялось и наполнялось народом и в конце-концов стало и тесно, и душно. И вообще – сильно дискомфортно. Но делать нечего, и Сереза с мамой молча стояли, переминаясь с ноги на ногу.

Потом появилась какая-то девица в синей униформе – жакет, юбка, пилотка и белая блузка. Сначала она долго с кем-то разговаривала, и все пассажиры с напряжением следили за ней. Но девица, казалось, такое пристальное внимание вообще не замечала и говорила себе и говорила и говорила. А потом, наконец-то наговорившись, она направилась к дверям, открыла их ключом и скучающим голосом позвала всех на посадку.

Народ, подхватившись, плотно столпился у узких дверей. В сильной тесноте Сереза с мамой кое-как выбрались на свежий воздух.

И здесь вся эта толпа снова замерла в ожидании чего-то еще. Чего? – Сереза не знал. Но он полностью доверял своей маме, которая, впрочем, также ничего не знала, и просто следила за всеми остальными пассажирами.

Но вот к ним подъехал двух-вагонный автобус. Открылись двери и народ друженько потянулся внутрь. Втолкнулись и Сереза с мамой, которая крепко-крепко держала свою сум-

ку с документами и деньгами. Пассажиры стояли довольно плотно – как селедки в бочке.

Автобус, впрочем, стоял еще долго. Шофер то куда-то отходил, с кем-то долго разговаривал, то возвращался на свое место, но теперь уже отходила сопровождающая пассажиров девица и также долго с кем-то разговаривала. Все это время жестко утрамбованный народ, стоял, потел и молча ждал.

Но вот, наконец, шофер в очередной раз занял свое место. Рядом с ним встала девица. Двери, к огромному облегчению всех пассажиров, наконец-то закрылись и автобус неторопливо тронулся с места.

Он медленно ехал по огромнейшему аэропорту, лениво и как-то даже буднично проезжая мимо больших белых самолетов, и Сережа, вжатый в стенку возле двери, во все глаза с жадностью смотрел на них сквозь окно. Самолеты стояли гордыми ровными рядами – большие и поменьше, с пропеллерами и с турбинами. И все они были покорителями высоты. Все то и дело взмывали ввысь, буднично перевоза пассажиров над землей. И все это воспринималось Сережей как сказка. Но автобус, не останавливаясь, ехал все дальше и дальше, минуя самолеты разных конструкций и не давая возможности их толком рассмотреть, чтобы потом рассказать пацанам во дворе, что он видел.

Проделав несколько замысловатых поворотов, автобус вдруг остановился, открылись двери и пассажиры радостно хлынули наружу, на свежий воздух, так как в салоне стало

ужасно душно.

Рядом с автобусом стоял самолет. Ту-104 было написано на белом корпусе. Длинные крылья, в основании которых у самого фюзеляжа располагалось по турбине. И эти турбины громко гудели, так что закладывало уши. Возле самолета сустились какие-то люди – грузили багаж, тянули какие-то толстые шланги, еще что-то. Время от времени подъезжали какие-то машины.

Народ молча стоял, чего-то ждал. Посветлело и от этого почему-то стало прохладнее. Стояли и Сережа с мамой, ежась и плотнее закутываясь в кофточки.

Наконец подъехал трап – машина с лестницей наверху. Народ покорно уплотнился тесным полукругом и замер в ожидании чего-то, о чем ни Сережа ни его мама еще не знали. Стояли минут десять. Наконец на трап поднялись две девицы в синей униформе. Здесь они долго разговаривали с другими девицами, спустившимися из самолета. Потом – еще более долго – с работниками, которые сустились вокруг. А потом – наконец-то! – народ вдруг потянулся по ступенькам вверх, в самолет, и сильно уставшее от ожидания сердце Сережи наконец-то бешено забилося. Вот он, в толпе, упираясь в чью-то спину, в утренних прохладных сумерках медленно продвигается вперед, крепко держа руку мамы, чтобы не потеряться. Продвигались на один-два шага и останавливались. Вот они, наконец-то, добрались до трапа. Девица в униформе, стоявшая на второй ступеньке, жестом всех оста-

новила, глядя вверх, на очередь, столпившуюся перед дверью самолета. Сережа посмотрел на свою маму. Она пожала плечами. Девушка в униформе, выждав, пока трап очистится, повернулась к пассажирам.

– Посадочный талон, – лениво процедила она.

И мама тут же принялась суетливо рыться в своей сумке, в бумажках и документах. Пассажиры, у которых посадочные талоны были наготове, недовольно протискивались мимо них, отесняя в сторонку. Наконец мама нашла. Волнуясь подала – вместе с документами. Девушка, даже не посмотрев, равнодушно кивнула и мама, крепко взяв за руку своего сына, решительно ступила на качнувшийся трап, и сердечко Сережи тут же томительно сжалось – что ждет его впереди?! Явно что-то волнующее, захватывающее, неизведанное?!

Они неуверенно поднимались по шатким ступенькам, и то, что трап слегка покачивался с непривычки их пугало. Вот они подошли к овальной двери самолета. Нагнулись, входя.

– Доброе утро, – вежливо приветствовала их стюардесса, стоявшая в тесном чистеньком тамбуре.

– Доброе утро, – тут же поспешно ответила мама, останавливаясь и выпрямляясь в ожидании дальнейшего.

– Доброе утро, – вторил маме Сережа, замирая рядом, отчаянно волнуясь и тоже не зная, что же делать дальше!

– Покажите ваш посадочный билет, – попросила стюардесса абсолютно нормальным, человеческим голосом – не то что девушка на трапе.

Талоны были крепко зажаты у мамы в руках и она тут же их протянула. Девушка быстро взглянула, слегка наклонившись.

– Двенадцатый ряд направо. Сверху вы увидите бирки с номерами мест. Ваши места – у иллюминатора, – произнесла она, ободряюще им улыбнувшись, и Сережа и его мама вдруг как-то сразу расслабились и наконец-то перестали напрягаться.

– Спасибо, – искренне поблагодарила мама и свернула направо – в салон самолета.

Сережа – за ней. Они оказались в узком проходе. Высокие мягкие кресла – три слева и два справа. Белые накидки под головами. Круглые иллюминаторы. Все поражало белизной, чистотой и чем-то неземным, нереальным. Что-то тихо гудело. Впереди народ шумно рассаживался, убирая ручную кладь в специальные отделы, расположенные над креслами.

Мама первой направилась по узкому проходу – вдвоем здесь уже не пройти. Смотрела направо, лихорадочно ища, где же указаны номера кресел, и, не находя их, принялась считать ряды, загибая пальцы. Потом наконец-то разглядела белые бирки вверху – там где ручная кладь. Остановилась.

– Вот эти вроде бы наши, – произнесла она, но будучи наученная горьким опытом, тщательно сверила то, что написано в их талонах, с тем, что было отпечатано на белых бирках.

Потом удовлетворенно кивнула и Сережа тут же быстренько уселся у иллюминатора, радостно уставившись нару-

жу. Впрочем, иллюминатор располагался несколько неудобно – не сразу у сиденья, а немного дальше, и поэтому, чтобы посмотреть в него, приходилось наклоняться вперед. Впрочем, все эти мелочи нисколько не задевали Сережу. Он с интересом осматривал пульт сверху: Надо же – вентиляция! Надо же, вызов стюардессы. И надо же – индивидуальная лампочка! Он был безмерно счастлив, что уже сидит в самолете и скоро оторвется от земли и взлетит. И Сережа наконец-то узнает, что это такое – полет, когда земля далеко-далеко у тебя под ногами! А потом узнает, что же это такое – жаркие страны! А потом увидит загадочное море. Будет в нем плавать! Увидит дельфинов! Увидит крабов, бегающих по песку! Водоросли, рыбки! И все эти видения сильно волновали ребенка. Волновали так, что ради них он готов был сносить любые невзгоды и неприятности.

Пассажиры кое-как расселись, распахав свои дорожные сумки по отделениям сверху и под своими сиденьями. Наконец все притихли. Сережа в нетерпении ждал продолжения – ну когда же взлет?! Но ничего не происходило. В иллюминаторе он видел, как по трапу то спускались, то поднимались люди. Но вот наконец трап медленно отъехал и Сережа заволновался – ну вот, наконец-то! Сейчас – ввысь!

Но... Сначала стюардесса закрыла двери. Потом энергичнее взревел двигатель и долго так работал. Потом над входом загорелась надпись - 'Пристегните ремни' и все пассажиры принялись дружно щелкать ремнями. И Сережа с мамой

сначала суетливо искали эти ремни, которые, как оказалось, просто свисали на пол с боков кресел, потом они перепутали их между собой, и поэтому не могли застегнуть, а потом долго и растерянно разбирались, как их надо правильно застегивать, пока подошедшая стюардесса вежливо и корректно не показала им, как все это делается. А потом – наконец-то! – громада самолета неторопливо сдвинулась с места. Но вопреки ожиданиям, он не взлетел сразу же, а медленно поехал куда-то по бетону. Ехал он долго, то и дело сворачивая в разные стороны, и Сережу откровенно утомила эта езда.

Между тем мама достала из сумочки два леденца. Один подала Сереже.

– Уши будет закладывать, – пояснила она. – И укачивать. Тошнить будет. Конфеты помогут.

И Сережа понял назначение бумажного пакета, заткнутого в сетку, прикрепленную к спинке впереди стоявшего кресла.

Он торопливо развернул леденец, сунул его в рот, поискал, куда бы сунуть фантик, по картинке на рукоятке кресла вроде бы разобрался, выдвинул коробочку из подлокотника, запихал туда скомканный фантик и снова с жадностью уткнулся в иллюминатор.

В какой-то момент самолет вдруг замер и его двигатели взревели гораздо сильнее. Он весь страшно затрясся. И Сережа снова заволновался в ожидании чуда. Двигатели все ревели и ревели, самолет все трясся и трясся, и было видно

как сильно трясутся его крылья, и Сережа даже испугался – а вдруг они отвалятся? Но в салоне никто не волновался, не бегал в панике по проходу, и значит все было в порядке, значит так было и надо. Вдруг самолет, словно сорвавшись с цепи, резко устремился вперед, вжимая пассажиров в спинки кресел. Он разгонялся и разгонялся, трясясь гораздо сильнее, и Сережа, глядя в иллюминатор на виднеющееся крыло, все-таки снова принялся сильно бояться, что крыло сейчас треснет и отвалится. Вон оно какое тонкое на конце, и вон как оно сильно раскачивается!

Вдруг нос самолета приподнялся, тряска мгновенно прекратилась, и земля в иллюминаторе принялась стремительно уходить вниз. Сердечко мальчика сжалось в комочек от абсолютно новых, доселе неизведанных ощущений! Замерев, он, сильно наклонившись вперед к иллюминатору (что в таком положении было совсем уж неудобно) в восторге смотрел за тем, как стремительно удаляется земля, и как все вдруг там, внизу, становится игрушечно маленьким. Его мама в это время закрыла глаза и замерла в ожидании наступления тех проблем, про которые ей рассказывали знающие люди, торопливо рассасывая леденец.

Уши у Сережи вдруг заболели, но он заметил, что как только начинал глотать слюну, выделяемую из-за леденца, все эти ощущения тут же проходили.

Нос самолете существенно задрался вверх и это тоже очень сильно волновало ребенка.

И он, все также стремительно подавшись вперед и немного вверх, неотрывно смотрел в иллюминатор, вниз на землю, то и дело глотая слюну.

Вот внизу промелькнули дома. Вот – дачные поселки, которые становились все меньше и меньше. Вот промелькнули первые мелкие облачка – совсем рядом, перед самыми глазами – что уже было чудом. Вот облаков вдруг стало больше. А вот вообще ничего не стало видно в иллюминаторе – сплошная белая пелена. А вот вдруг небо прояснилось, но внизу, под крылом самолета – сплошные облака, словно небрежно разбросанная вата. И почему-то очень сильно захотелось спрыгнуть на нее и от души побегать по этим огромным ватным горкам.

Мир для ребенка открывался все с новой и с новой стороны.

В дороге у них были две промежуточные посадки. Одна – в Тюмени, другая – в Минеральных водах.

В Минеральных водах они почему-то очень долго сидели в местном аэропорту.

Причину задержки пассажирам не объявляли, и они, в душе волнуясь от неизвестности, просто слонялись по аэропорту или сидели на свободных местах.

И эта задержка также была внове для Сережи. Оказывается, можно не только беспрерывно лететь к намеченному месту, но также можно долго-долго сидеть в промежутке, по неизвестной причине.

Здесь, в Минеральных водах, по Новосибирским меркам было довольно жарковато и Сережа впервые осознал, что он на самом деле перемещается в малоизвестную ему область более жаркого климата. И что эта область существует на самом деле, а не только на экранах "Клуба кинопутешествий".

Здесь же они дождались наступления сумерек.

От изматывающего ожидания пассажиры Новосибирского рейса порядком устали, с надеждой вслушиваясь в голос диктора, когда только раздавался шум микрофона.

Но вот, наконец, объявили посадку на их рейс и пассажиры радостно потянулись к указанному сектору. Снова автобус, снова поднимались по трапу и показывали посадочные талоны. Снова погрузились в салон и быстро расселись. Быстро пристегнули ремни и дружно замерли, полностью готовые к отлету.

Самолет снова разогнался, взлетел (внизу хорошо были видны огни города) и наконец-то взял курс на Симферополь. Их затянувшееся путешествие подходило к концу.

2. Прилет

На этом последнем отрезке пути большинство пассажиров спало. Сережа, тоже усталый, какое-то время добросовестно пытался заснуть – ведь в иллюминаторе ничего уже не было видно, кроме мелких тусклых огоньков. Но у него ничего не получилось – очень уж непривычно было спать в одежде и сидя.

Наконец самолет пошел на посадку. Сережа понял это по засветившейся надписи: Пристегните ремни. В иллюминаторе было темно и далекие редкие огоньки ни о чем не говорили. Снова стало закладывать уши и Сережа добросовестно принялся глотать слюну. Это помогало.

Народ, который проснулся или которого разбудили, сначала повозился на своих местах, дружно пристегиваясь, а потом снова притих. Сереже даже показалось, как что-то гнетущее повисло в атмосфере самолета. Он замер у иллюминатора, стараясь увидеть такой неведомый ему полуостров Крым, Черное море. Но там, за стеклом, по-прежнему было темно. Самолет несколько раз закладывал виражи – то влево, то вправо, то резко приподнимался, то также резко вдруг снижался. И вот, наконец, внизу замелькали огни, много огней, и эти огни стремительно приближались.

Ну все, Крым! Наконец-то! – радостно заколотилось детское сердечко. Что же ждет его внизу?! Представить этого он

себе не мог.

Вот огни в иллюминаторе замелькали гораздо быстрее, замельтешили, потом вдруг выровнялись, успокаиваясь от бешеной гонки, и Сережа увидел посадочную полосу. Точнее, длинный ровный ряд огней впереди.

Снижаясь, самолет какое-то время завис над полосой, летя параллельно, а потом вдруг резко опустился и тут же – толчок! Еще толчок. Самолет качнулся справа налево, двигатели его вдруг натужно взревели, и громадная машина покатила по ровному бетону, энергично гася скорость, так что пассажиры невольно подались вперед.

Сережа жадно смотрел в окно. Вот он, Крым! Но ничего не видел. Какие-то фонари, низкие строения, столбы – вот и все.

Погасив скорость, самолет свернул с посадочной полосы и долго маневрировал, снова поворачивая то вправо, то влево. Вот в иллюминаторе показались стоявшие рядом самолеты. Вот показалось и небольшое, по сравнению с Толмачевым, здание в огнях. Самолет еще немного поманеврировал и наконец-то остановился. Двигатели тут же смолкли, зазвенев в ушах резкой гнетущей тишиной.

– Уважаемые пассажиры, просьба всем оставаться на своих местах, – раздался в динамике женский голос. – На выход вас пригласят.

Долго они сидели в салоне и Сережа весь изъерзался – так ему не терпелось наружу! Но вот, наконец, разрешили выход

и народ дружно поднялся со своих мест и так же дружно и суетливо принялся доставать свои вещи, что-то с себя снять, что-то надевать, что-то куда-то переключивать.

Сережа с мамой тоже встали. Но еще долго стояли в проходе. Сначала вообще не продвигались, а потом направились к выходу очень и очень медленно.

И вот, наконец, закуток стюардесс и слева – выход наружу, в темную ночь.

Девочки-стюардессы, улыбаясь, поблагодарили их за полет. Сережа с мамой сказали им 'спасибо' и, свернув налево, оказались у выхода. И им сразу же в лицо пахнуло горячим и влажным, словно в бане, воздухом. Не таким как в Новосибирске. Такое ощущение, что совсем недавно здесь плавился асфальт, который очень обильно поливали водой. Сережа с огромным удивлением вдохнул тяжелый, влажный, спертый, жаркий воздух Крыма. И он наконец-то понял – он сейчас находится совсем в другом мире, в мире, который он не знал.

Помедлив и вдохнув еще пару раз, стараясь привыкнуть к абсолютно новой природе, они осторожно ступили на трап, который тут же покачнулся под их ногами.

Сережа с мамой медленно спустились по шатким ступенькам и остановились среди остальных пассажиров. Скучивавшись в темноте возле трапа, пассажиры дождались, когда выйдут все и медленно потянулись пешко к зданию аэровокзала. Вошли внутрь. Разошлись в разные стороны в поисках мест – ожидали выдачи багажа, который обычно затягивался

на час-два. Впрочем, Сережа и его мама об этом еще не знали. Но, тем не менее, глядя на всех остальных пассажиров, они также постарались занять свободные места.

Мама, посмотрев на табло, перевела свои механические наручные часы на местное время.

Ждали более часа, поочередно сходя в туалет. Сережа снова весь извелся за это время – ну сколько же можно!!! Там, где-то совсем рядом – море! А он здесь торчит непонятно зачем. Он почему-то думал, что как только они прибудут, так сразу же первым делом бросятся в гигантский соленый котлован – а иначе зачем они летели сюда так долго? Наконец полукруглый эскалатор заработал и по резиновой ленте поползли чемоданы, сумки и прочий багаж рейса, прилетевшего из Новосибирска.

Сережа с мамой, быстро пробившись к подвижной ленте и толкаясь в образовавшейся тесноте – ведь и всем остальным пассажирам хотелось поскорее покинуть аэропорт, – кое-как дождались своего багажа. Сняли с портфеля. На выходе (здесь тоже организовалась довольно внушительная очередь) показали служащему свои посадочные бирки и он придирчиво сверил их номера с номерами, наклеенными на ручки чемодана и сумок. Наконец они вышли из здания. Остановились в густой ночи на небольшом освещенном пятнышке. К ним тут же подскочил мужчина.

– Куда желаете ехать? – поинтересовался он, поигрывая брелком с ключами от машины.

– А где здесь троллейбус? – неуверенно спросила мама – ее знакомые сказали, что из Симферополя можно уехать на троллейбусе, причем – за рубль двадцать.

– Троллейбусы уже не ходят, – усмехнулся мужчина. – Появятся только в семь утра.

Мама посмотрела на часы и погрузилась в мысли. Сидеть еще и всю ночь очень уж не хотелось – и так смертельно устали от этого долгого путешествия.

– В Судак сколько будет стоить? – наконец спросила она.

– Двадцать пять рублей, – тут же ответил мужчина.

Из дверей маленького, по сравнению с Новосибирском, аэропорта выходили другие пассажиры и к ним тут же устремлялись другие мужчины. И потенциальных клиентов никто друг у друга не отбивал.

– Ого! – искренне поразила мама такой цене. Ведь ее зарплата была всего восемьдесят два рубля в месяц!

То есть чтобы проехать из Симферополя до Судака, ей надо работать более десяти дней! А ведь денег на отпуск накопилось не так уж и много. И если сейчас отдать такую сумму, то что останется?

– Поверьте, другой расценки здесь нет, – сочувственно произнес водитель. – У нас "Волга" стоит двадцать пять тысяч, – зачем-то добавил он.

И Сережа глубоко поразился такому огромнейшему числу, пытаясь мысленно пересчитать зарплату матери на года – это же более трехсот месяцев! Более двадцати лет! И он ни-

как не мог представить, как можно вообще заработать деньги на такую машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.